DK265.17
.K39
1926

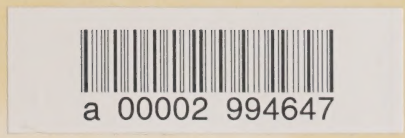
LSC
UNC-CH

Dvizhyshchie Sily I Perspek
tivy Russkot Revolivtsii

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK265.17
.K39
1926


a 00002 994647

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUN 15 1995			
SEP 13 1995			
APR 08 '95			
RECEIVED JUL 25 2016			

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

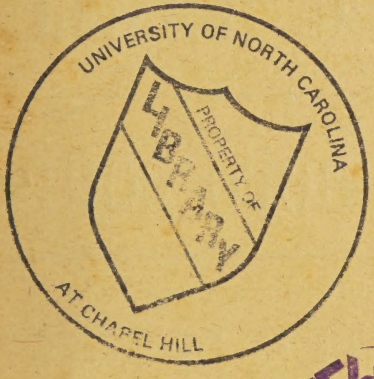
https://archive.org/details/dvizhushchiesily00kaut

264н/84

К. КАУТСКИЙ

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. И. ЛЕНИНА



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

В. И. ЛЕНИН

ПЯТЫЙ ГОД

СБОРНИК СТАТЕЙ, РЕЧЕЙ И ДОКУМЕНТОВ

Стр. 784. (Ленинградский Истпарт.) Ц. 3 р. 20 к.

В. И. ЛЕНИН

ЧТО ТАКОЕ „ДРУЗЬЯ НАРОДА“ И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Стр. 208. Ц. 80 к.

В. И. ЛЕНИН

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности

Стр. 531. (Серия «Библиотека обществоведения».) Ц. 2 р.

В. И. ЛЕНИН

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И МАРКСИЗМ

Стр. 270. СБОРНИК СТАТЕЙ Ц. 85 к.

В. И. ЛЕНИН

ТЕОРИЯ АГРАРНОГО ВОПРОСА

Стр. 317. Ц. 1 р. 10 к.

В. И. ЛЕНИН

О КООПЕРАЦИИ

РЕЧИ И СТАТЬИ

Стр. 147. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

В. И. ЛЕНИН

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ

Стр. 166. Ц. 30 к.

К. КАУТСКИЙ

DK265.17
.K39
1926

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. И. ЛЕНИНА

DVIZHUSHCHIE SILY
I PERSPEKTIVY
RUSSKOĬ REVOLIUTSII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Гатчинская-26

Гиз № 10949.
Ленинградский Гублит № 7274.
2 л. Отп. 4.000 экз.

Написано в декабре 1906 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Русские передовые рабочие давно знают К. Каутского, как *своего* писателя, умеющего не только обосновать и разъяснить теоретическое учение революционного марксизма, но и применить его с знанием дела, с серьезным разбором фактов, к сложным и запутанным вопросам русской революции. И теперь, когда внимание социал-демократов чуть не всецело иногда поглощает безыдейная трескотня либеральных Петрушек, с их вольными и невольными подголосками, когда мелочи «парламентской» техники заслоняют перед многими принципиальные вопросы пролетарской классовой борьбы, когда унылое настроение овладевает сплошь и рядом даже порядочными людьми, принижая их умственные и политические способности, — теперь втройне важно для всех социал-демократов России внимательно прислушаться к мнению Каутского по основным вопросам русской революции. И даже не столько прислушаться к мнению Каутского, сколько вдуматься в его постановку вопроса,— ибо Каутский не так легкомыслен, чтобы болтать о малознакомых ему конкретных вопросах русской тактики, не так невежествен в русских делах, чтобы отделываться общими местами или некритическим повторением самого модного выкрика.

Каутский отвечает на вопросы, с которыми Плеханов обратился к ряду иностранных социалистов. И отвечая на эти вопросы, — вернее, выбирая из этих неумно постановленных вопросов то, о чем *можно* вести с пользой для дела беседу между социалистами всех стран, — Каутский начинает с скромной оговорки. «По отношению к *русским* товарищам я чувствую себя в положении *учащегося*, когда речь идет о рус-

ских делах». Эта скромность — не фальшивое скромничанье «генерала» от социал-демократии, который начинает с мещанских ужимок, чтобы кончить какой-нибудь выходкой бурбона. Нет. Каутский на деле ограничился ответом только на такие вопросы, разбираясь в которых он может помочь мыслящим социал-демократам России в их самостоятельной работе анализа конкретных задач и лозунгов дня. Каутский отказался быть генералом, который командует: направо или налево! Он предпочел сохранить положение далеко стоящего, но зато вдумчивого товарища, показывающего, каким путем мы должны сами искать ответа.

Плеханов спрашивал Каутского, во 1-х, об «общем характере» русской революции: буржуазная она или социалистическая? Во 2-х, об отношении с.-д. к буржуазной демократии. В 3-х, о поддержке с.-д. партией партий оппозиционных на выборах в Думу.

Вопросы эти подобраны, на первый взгляд, очень «тонко». Но пословица недаром говорит: «Где тонко, там и рвется». Дело в том, что в этих вопросах сколько-нибудь знающий и внимательный человек сразу видит тонкую... подделку. Это — подделка, во-первых, в том смысле, что перед нами образчик метафизики, против которой Плеханов любит пышно декламировать, не умея изгнать ее из своих собственных конкретно-исторических рассуждений. Это подделка, во 2-х, в том смысле, что вопрошаемый искусственно загоняется в одну маленькую и до убожества узкую загородочку. Только при полной, можно сказать, девственной, невинности в вопросах политики можно не заметить того, как Плеханов нарочно начинает издалека, подталкивая легонечко вопрошаемого к оправданию... блоков с кадетами!

Подгонять простоватого собеседника к оправданию блоков с определенной партией и не называть этой партии; — толковать о революционном движении и не различать революционной и оппозиционной буржуазной демократии; — намекать, что буржуазия «борется» по-своему, т.-е. иначе, чем пролетариат, и не говорить прямо и ясно, в чем же тут на деле различие; — ловить собеседника, как галченка, на приманку амстердамской резолюции, которая должна прикрыть от иностранца действительное содержание спорных вопросов русской социал-демократии; — выводить конкретные положения об определенной так-

тике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей фразы об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?

Да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов!

Громадной заслугой Каутского является то, что он, отвечая на подобные вопросы, сразу понял суть дела и суть ошибки, заключенной уже в формулировке самых вопросов. Каутский, в сущности, ответил на Плехановские вопросы тем, что отбросил Плехановскую постановку вопроса! Каутский ответил Плеханову тем, что исправил Плехановскую постановку вопроса. Критика Плехановской постановки вопроса, данная Каутским, вышла при этом тем убийственнее, чем мягче и осторожнее поправлял он инициатора анкеты. «Мы хорошо поступим, — пишет Каутский,— если усвоим себе ту мысль, что мы стоим перед совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни один старый шаблон».

Это не в бровь, а в глаз, против Плехановского вопроса: буржуазная ли революция у нас по общему ее характеру или социалистическая? Это — старый шаблон, говорит Каутский. Нельзя так ставить вопроса, это не по-марксистски. Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России не социалистическая, ибо она никоим образом не может привести пролетариат к единственному господству или диктатуре. Социал-демократия может победить в русской революции и должна стремиться к этому. Но победой теперешней революции не может быть победа только пролетариата без помощи других классов. Какой же класс является, в силу объективных условий теперешней революции, союзником пролетариата? Крестьянство: «прочная общность интересов на все время революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством».

Все эти положения Каутского дают самое блестящее подтверждение тактики революционного крыла российской социал-демократии, т.-е. тактики большевиков. И это подтверждение тем более ценно, что Каутский, отстранив от себя конкретные и практические вопросы, сосредоточил все внимание на систематическом изложении *общих основ* социалистической тактики в нашей революции. Он показал, что затасканный Плехановым прием рассуждения «революция буржуазная — надо поддерживать буржуазию» не имеет ничего общего с марксизмом. Он признал таким образом основную ошибку нашего с.-д. оппортунизма, т.-е. меньшевизма, против которой еще с начала 1905 года вели борьбу большевики.

Далее, анализ Каутского, исходившего не из общих фраз, а из разбора положений и интересов определенных классов, подтвердил тот вывод, который находили «бестактным» наши кадетские подголоски, именно: что буржуазия больше боится в России революции, чем реакции, что абсолютизм она ненавидит за порождение им революции, что политической свободы она хочет для прекращения революции. Сопоставьте это с наивностью веры в кадета у нашего Плеханова, который незаметно отожествил в своих вопросах борьбу оппозиции со старым порядком и борьбу против покушений правительства раздавить революционное движение! В отличие от шаблонного взгляда меньшевиков на «буржуазную демократию», Каутский показал ее революционные и нереволюционные элементы, показал банкротство либерализма, неизбежность тем более быстрого поворота либералов вправо, чем самостоятельнее и сознательнее становится крестьянство. Буржуазная революция, совершаемая пролетариатом и крестьянством вопреки неустойчивости буржуазии, — это коренное положение большевистской тактики всецело подтверждено Каутским.

Каутский показывает, что в ходе революции победа вполне может достаться с.-д. партии и что эта партия *должна* внушать своим сторонникам уверенность в победе. Меньшевистская боязнь с.-д. победы в данной революции опять-таки всецело опровергается выводом Каутского. Смешные потуги Плеханова «подвести» задачи нашей революции «под Амстердамскую резолюцию» выступают особенно комично на ряду с простым и ясным положением Каутского: «нельзя успешно бороться, если наперед отказываешься от победы».

Еще рельефнее выступает коренная разница между *методами* Каутского и вождя теперешних наших оппортунистов, Плеханова, когда мы читаем у первого: думать, что «все те классы и партии, которые стремятся к политической свободе, должны просто-напросто действовать вместе, чтобы добиться ее», значит «*иметь в виду лишь политическую поверхность совершающегося*». Это звучит так, как-будто Каутский прямо имеет в виду ту компанийку перебежавших к либералам социал-демократов, гг. Португаловых, Прокоповичей, Кусковых, Богучарских, Изгоевых, Струве и пр., которые именно указываемую Каутским ошибку и делают (водя притом за собой Плеханова). То обстоятельство, что Каутский не знает писаний этих господ, только усиливает значение его *теоретического* вывода.

Нечего и говорить, что основные положения *всех* русских с.-д. о *несоциалистическом* характере крестьянского движения, о невозможности возникновения социализма из мелкого крестьянского производства и т. д. *целиком* разделяет Каутский. Социалистам-революционерам, любящим уверять, что они «тоже согласны с Марксом», весьма поучительно будет подумать над этими словами Каутского.

В заключение, несколько слов об «авторитетах». Марксисты не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов».

Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты,— но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых *борцов* против угнетения и эксплуатации, борцов, проведших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны. Авторитет теоретиков всемирной социал-демократии нужен нам для уяснения программы и тактики нашей партии. Но этот авторитет не имеет, конечно, ничего общего с казенными авторитетами буржуазной науки и полицейской политики. Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах всемирной социалистической армии. Насколько важен он для рас-

ширения кругозора бордов, настолько недопустима была бы в рабочей партии претензия решать со стороны, издали, практические и конкретные вопросы ближайшей политики. Коллективность передовых сознательных рабочих каждой страны, ведущих непосредственную борьбу, всегда будет наибольшим авторитетом во всех таких вопросах.

Таков наш взгляд на авторитетность мнений и Каутского и Плеханова. Теоретические работы последнего—главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик, Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна—немецким. И с этой кадетообразной политикой Плеханова, вернувшегося в лоно изгнанных им в 1899 — 1900 гг. из с.-д. партии гг. Прокоповичей и К°, мы должны вести самую беспощадную войну.

Что этот тактический оппортунизм Плеханова есть сплошное отрицание основ марксистского метода, — доказывает лучше всего знакомство с ходом рассуждения Каутского в предлагаемой читателю статье.

Н. Ленин.

1. АГРАРНЫЙ ВОПРОС И ЛИБЕРАЛЫ.

Русскую революцию можно рассматривать с двух точек зрения: как движение, направленное к свержению абсолютизма, и как пробуждение широких масс русского народа к самостоятельной политической деятельности. Первая точка зрения затрагивает явление лишь поверхностно; с этой точки зрения могло до сих пор казаться, что революция потерпела крушение. Но о действительном крушении революции можно было бы говорить лишь в том случае, если бы движение — в том смысле, как его понимают придерживающиеся второй точки зрения — вновь заглохло. Если удастся повергнуть русский народ опять в прежний политический индифферентизм, это, конечно, будет означать победу абсолютизма, и дело революции будет проиграно. Но если этого не удастся, тогда победа революции обеспечена, хотя бы абсолютизм и сохранил за собой еще на некоторое время призрак господства путем убийства своего народа, расточения его богатства, опустошения своей страны.

Но масса русского народа состоит из крестьян. А крестьян заставляет волноваться вопрос о земле. Поэтому этот вопрос в России все более и более выдвигается на первый план и является вопросом, от разрешения которого зависит судьба русской революции. По крайней мере, это имеет место по отношению к массе, населяющей Россию в собственном смысле слова; о ней только идет тут речь, а не о Польше, Финляндии или Кавказе.

В России крестьяне составляют не только громадную массу населения, на которой держится земледелие, на ней держится также и все здание народного и государственного хозяйства. Вместе с ней рушится и это здание. Из западно-европейских исследователей революционного положения России это прекрасно показал в своем сочинении о будущности России Мартин, на этом же факте построено и его совершенно правильное пророчество о русском государственном банкротстве, пророчество, вызвавшее недавно в Германии столько шуму, впрочем, только

в буржуазных кругах, которые не знакомы с социалистической критикой русской экономической политики [1]).

Удовлетворение крестьян, создание здорового экономического базиса для сельского хозяйства — вот то предварительное условие, без выполнения которого население России не может вновь успокоиться и покинуть революционный путь.

То же самое признают теперь и все почти партии в России. Но, конечно, они очень сильно расходятся между собою относительно средств, которыми они хотят помочь крестьянам. Для немецкого читателя очень хорошо выясняет позицию либералов недавно вышедшее сочинение: «К вопросу об аграрном движении в России» [2]), представляющее собою перевод двух русских статей, статьи Петрункевича, известного политического вождя «кадетов», и статьи московского профессора А. А. Мануилова, с приложением сборника аграрных программ различных партий в России.

Либералы, как и все на свете, признают отсталость и упадок русского сельского хозяйства.

Наши высшие урожаи оказываются приблизительно в два раза меньше средних сборов других стран; если принять средний урожай каждого хлеба в России за 100, то в других странах он будет: для ржи — 230, для пшеницы — 280, для овса — 277 и т. д., чистый остаток хлеба и картофеля с средней посевной площади русского крестьянина (0,74 дес.) составляет в среднем 20,4 пуд.; между тем в других странах с такой же площади получилось бы 56,9 пуд., при этом в частности в Бельгии — 88, в Соединенн. Королевстве — 84,4, в Японии — 82,8 и т. д. Проф. А. И. Чупров также указывает, «что обычные наши урожаи на крестьянских землях в 35 — 40 пудов ржи на десятину до такой степени ничтожны, что самых примитивных, всем доступных улучшений довольно для того, чтобы поднять урожай наполовину против нынешнего уровня. По многочисленным наблюдениям агрономов, одного лучшего подбора семян почти что достаточно для получения такой прибавки. Но ведь техника располагает несравненно более могущественными средствами. Урожай в 30 квинтенов ржи на гектар, или 200 пудов на десятину, считается в местностях с широким применением искусственных туков делом довольно заурядным» (стр. 40, Агр. вопрос).

И дело не улучшается, а все ухудшается. Так, Мануилов сообщает дальше:

В настоящее время, как замечает в своей записке департамент земледелия, у крестьян имеется такое минимальное количество скота, без которого не могло бы совсем существовать земледельческое хозяйство... В 50 губерниях Европейской России число лошадей за 10 лет, от 1888 до 1898 г., сократилось с 19,6 милл. до 17 милл., а крупного рогатого скота — с 34,6 милл. голов до 24,5 милл... Местные комитеты привели в своих «Трудах» знаменательные факты в подтверждение сказанного. Оказывается, например, что в Нижегородской губ. навоза хватает всего на $^1/_5$ — $^1/_3$

[1]) Rudolf Martin. Die Zukunft Russlands. Leipzig, Dieterichsche Verlagsbuchhandlung. 2. 40 Mark.

[2]) «Zur Agrarbewegung in Russland». Leipzig, Teutonia Verlag. Mühlgasse 10, 96 Seiten, 1. 50 Mark. Эти статьи входят в сборник «Аграрный вопрос», изд. П. Д. Долгорукова и П. П. Петрункевича, изд. 2-е.

надела, вследствие чего средний урожай, несмотря на удовлетворительность почвы, получается чрезвычайно низкий: 38 мер ржи и 49 мер овса: в Михайловском уезде, Рязанской губ., удобряется всего $^1/_{10}$—$^1/_8$ пара, в Клинском уезде, Московской г., удобряемость в $2^1/_2$ раза меньше нормы и т. д. (стр. 40, Агр. вопрос).

В признании значения этих фактов либералы и социалисты сходятся всецело. Но как только дело заходит о том, чтобы вскрыть причины явлений и предложить средства для их устранения, так тотчас же сказывается половинчатость либералов. Половинчатость либералов в последней области вызывается их классовым положением, но она неизбежно влечет за собой половинчатость их и в предыдущей области. Тот, кто не решается вырвать зло радикально, с корнем, должен бояться также обнажить самые глубокие корни его.

Либералы видят причины упадка русского земледелия в способе освобождения крестьян в 1861 г. У крестьянства была тогда обманом отнята часть их земли, они получили земли недостаточно и большей частью плохого качества. Если и тогда уже величина их надела была недостаточна, то с тех пор она стала еще меньше, так как население сильно возросло. Мануилов пишет по этому поводу:

«В 1860 г. сельское население составляло 50 миллионов душ обоего пола, а к концу 1900 г. оно достигло приблизительно 86 миллионов. Вместе с тем понижался и средний размер надела. По данным «Комиссии об оскудении центра», средний надел на ревизскую душу равнялся в 1860 г. 4,8 десятины; в 1880 г. средний размер надела на душу мужского пола понизился до 3,5, а в 1900 г. до 2,6 десятины» (там же, стр. 22).

Приведенные здесь факты правдивы, но для определения причин падения крестьянского хозяйства правдивы они только наполовину.

При отмене феодальных повинностей и в других странах, точно так же как и в России, крестьян обошли и обманули относительно их имущества. В других государствах это зачастую приводило к падению крестьянского хозяйства, но никогда не вело к падению земледелия, к ухудшению сельского хозяйства вообще, к увеличению числа неурожаев. Наоборот. Обеднение крестьян порождало сельский пролетариат, существование которого, при данном товарном производстве, являлось необходимым условием основанного на наемном труде капиталистического сельского хозяйства. Это обеднение вело к тому, что часть крестьян превращалась в пролетариев, другая же часть за их счет достигала благосостояния. На развалинах разрушенных крестьянских хозяйств вырастал новый, высший способ производства. В России наблюдаются лишь грубые зачатки всего этого. Почему это так? Этот вопрос имеет решающее значение.

Никоим образом нельзя обвинять сельскую общину в том, что она сделала невозможным возникновение капиталистического

сельского хозяйства. Она быстро приходит в упадок и не была в силах помешать образованию в среде сельских обывателей, с одной стороны, безземельных пролетариев, с другой, ростовщиков, не могла помешать развитию условий капиталистической эксплуатации в самых разнообразных и отвратительных формах. Община в России нигде более не является сколько-нибудь действительной преградой для проникновения в земледелие капиталистического хозяйства.

Все условия для него имелись уже налицо в течение десятилетий, за исключением двух — но как раз наиболее важных: у сельского населения до сих пор не хватало необходимой интеллигентности, способности подняться над уровнем привычки и умело выбирать из нахлынувших новшеств наиболее подходящее и действительное. Для этого требуется целый ряд знаний и приемов, овладеть которыми невозможно без хорошего школьного образования. А затем не было налицо капитала, необходимых денег. Итак, не хватало тех двух условий, которые для развития капиталистического производства имеют наибольшее значение. Как раз последнее из поименованных условий, накопление достаточных сумм денег в отдельных руках, является безусловно необходимым для того, чтобы могли развиваться, на основе товарного производства, высшие формы производства, применение к производству науки.

На ряду с недостатком интеллигентности недостаток капитала составляет решающую причину печального состояния сельского хозяйства в России. Недостаток в земле объясняет то, почему крестьяне беднеют, но не объясняет то, почему крестьяне, несмотря на все ухудшающиеся условия их хозяйства, продолжают все-таки вести его, почему их место не занимает класс зажиточных сельских хозяев, который скупил бы разоренные крестьянские земли и стал рационально обрабатывать их с помощью достаточных денежных средств. Недостаток земли не объясняет того, почему крупные хозяйства в большинстве случаев ведутся еще менее рационально без достаточного количества капитала и не вытесняют разорившихся крестьянских хозяйств.

Отчего это происходит, на этот вопрос и следует отвечать.

2. НЕДОСТАТОК КАПИТАЛА В РОССИИ.

На вопрос о причинах экономической и интеллектуальной отсталости России нельзя ответить простой ссылкой на то, что современный способ производства зародился в Западной Европе и лишь медленно проникает на Восток, нельзя потому, что тот-

час же встает дальнейший вопрос: почему же именно он медленно проникает на Восток? В тот момент, когда Россия вступила с Западной Европой в более тесные сношения, ее сельское хозяйство стояло почти уже на таком уровне, как в настоящее время, государство было населено многочисленными усердно работавшими крестьянами. Северная Америка, напротив того, в то время представляла собою дикую страну, в которой были редко рассеяны убогие племена дикарей и варваров. А между тем с тех пор она стала самой крупной в мире капиталистической державой.

Причины такой разницы весьма разнообразны, но сводятся все к противоположности политической организации этих стран. В Северной Америке поселились крестьяне и мелкие собственники, которые вели уже в Европе борьбу за демократию с начавшим входить в силу абсолютизмом и предпочли свободу дикой Америки подчинению государственной власти абсолютизма цивилизованной Европы. Россия представляла собою кучу бесчисленных сельских общин, из которых одна нисколько не интересовалась другой, которые удовлетворялись демократией внутри общины, имели очень смутное представление о государственной власти и спокойно предоставляли ее абсолютным правителям, войска которых освободили их от монгольского ига и должны были защищать их от всякого внешнего врага.

В Америке господствовала неограниченная политическая свобода, дававшая возможность каждому самым свободным образом проявлять свою деятельность. Совершенно новые условия, знакомство с которыми и господство над которыми требовало от каждого самого сильного духовного и физического напряжения, самой свободной самодеятельности, создали для колонистов, приехавших из Европы, необходимость действовать с неуклонной решимостью, не обращая внимания ни на что и преодолевая бесчисленные предрассудки.

В России в течение столетий не только не существовало и следа политической свободы, и полицейская опека распространялась на каждый шаг жителя государства, который он намеревался сделать за пределами общины, но отсутствовала также хотя бы самомалейшая потребность в свободе движений. Царил «здоровый растительный сон», прозябание в тесных рамках унаследованных от отцов жизненных условий, которые оставались неизменными из поколения в поколение и глубже укореняли всякий предрассудок, подрывали всякую энергию.

В то время как условия жизни европейского населения Северной Америки воспитывали в нем такие душевные свойства, которые дают превосходство при капиталистическом способе производства и благоприятствуют его развитию, русские условия воспитывали как раз такие свойства, которые должны были при

капиталистической конкуренции вести к поражению тех, кто обладал ими, и препятствовали развитию капитализма.

К тому же со времени Петра Великого Россия стала придерживаться политики, на результаты которой я уже указывал в своих статьях об американском рабочем, в главе, где говорится о русском капитализме («Neue Zeit», XXIV, 1, l. 677 ll [1]). Здесь я могу повторить лишь то, что было мною там сказано.

Петр I открыл Россию для европейской цивилизации, т.-е. для капитализма, он поставил также Россию в ряды крупных европейских держав, впутал ее в их конфликты, принудил вступить в конкуренцию с ними на поприще военных, морских и сухопутных вооружений и померяться с ними силою на войне. Это случилось в такое время, когда в Западной Европе капитализм уже сильно окреп и производительные силы могуче развились. Несмотря на все это конкуренция в области милитаризма привела и в Западной Европе к банкротству ряд держав, например, Испанию, Португалию, и замедлила во многих других странах ход экономического развития. Исключение составляла Англия, островное положение которой избавило ее от необходимости истощаться в сухопутных войнах и дало ей возможность сосредоточить все свои силы на военном флоте, благодаря чему она сделалась владычицей моря, нажила богатства морским разбоем, торговлей невольниками, контрабандой, ограблением Индии и превратила таким образом войну в в высшей степени доходное занятие, в средство накопления капитала. То же самое мы видим позднее и во Франции, — когда революционные войны дали возможность победоносным войскам республики и империи ограбить наиболее богатые страны европейского континента, Бельгию, Голландию, Италию, и извлечь также и из других стран богатую добычу.

Таких выгодных войн России не пришлось вести никогда. На пути к развитию ее в морскую державу лежал ряд очень трудно преодолимых препятствий, на суше же она граничит лишь с бедными странами. Если бы ей удалось победить Японию и начать поглощение богатств Китая, она, впервые со времени своего выступления на историческую сцену в качестве крупной европейской державы, извлекла бы из войны значительную экономическую пользу. Но по иронии мировой истории именно эта война привела ее к банкротству.

Будучи слишком слабой и отсталой страной среди крупных европейских держав, чтобы сохранить среди них свою позицию, царизм должен был, начиная с XVIII столетия, все больше

---

[1]) Есть несколько русских переводов: «Русский и американский рабочий», пер. с нем. под редакцией и с пред. Луначарского, 15, книгоизд. «Вперед», также издание «Знания»: «Американский рабочий». Ред.

и больше обирать свой народ и делать, таким образом, невозможным всякое накопление богатства в стране. Вскоре к милитаризму присоединились государственные долги и еще усилили этот грабеж.

Ни в одной стране в мире, даже самой богатой, доход от налогов не может покрыть те более крупные затраты, в которых время от времени нуждается милитаризм; самые колоссальные из них — затраты в военное время, но и затраты на военные сооружения, перевооружение и пр. достигают также значительных размеров. В таких случаях уже издавна государственные долги являются испытанным средством тотчас же раздобыть средства на покрытие этих более крупных расходов. Уплата процентов по государственным долгам всегда является тяжелым бременем для податного населения, но это бремя может явиться средством для обогащения капиталистического класса данной страны, если он является кредитором государства. В таком случае оно экспроприирует трудящиеся классы для того, чтобы обогатить класс капиталистов, увеличивает его богатство и вместе с тем увеличивает число находящихся в его распоряжении пролетариев.

Но в России не имелось такого класса капиталистов, который был бы в состоянии покрыть государственные потребности в капитале, а постоянный податной гнет чрезвычайно затруднял образование такого класса, обладающего достаточным капиталом. Поэтому деньги, необходимые для пополнения государственной казны, опустошаемой ненасытным милитаризмом, приходилось занимать главным образом у заграничных капиталистов. Эти капиталы не вкладывались производительно, они расходовались просто на игру в солдатики да еще на придворную роскошь. Проценты же с них уплывали за границу, и вскоре на ряду с милитаризмом образовали вторую все увеличивающуюся зияющую рану, через которую сочились жизненные соки России.

Крымская война и ее последствия заставили русское правительство, начиная с 60-х годов XIX столетия, понять, на каких глиняных ногах покоится колосс его власти, заставили понять невозможность дальнейшего развития дипломатических и военных сил без экономического могущества. Но в современном обществе источником последнего является не столько земледелие, сколько капиталистическая промышленность. Еще менее может служить источником могущества примитивное, разоренное сельское хозяйство. И вот русский абсолютизм принялся наверстывать потерянное как можно скорее. Он стремился создать крупную капиталистическую промышленность путем оказания ей энергичной государственной поддержки. Но так как государство жило земледелием, то это означало не что иное как поддержку промышленности за счет большего обременения сельского населения. Таким образом и мирная промышленная политика обра-

тилась, как и военная завоевательная, в средство обирания и принижения сельского хозяина, а главным образом крестьянина.

И эта мирная политика, точно так же как и военная, вела к все повышающейся задолженности перед заграницей, так как рост внутреннего капитала шел слишком медленно для русского правительства.

Правительство хотело как можно скорее стать независимым от заграницы — именно в тех отраслях промышленности, которые наиболее важны для военного дела: производство пушек и оружия, постройка кораблей и железных дорог и доставка необходимого для этого материала. Так как внутренний капитал, требующийся для основания необходимых для этой цели исполинских предприятий, рос слишком медленно, то правительство старалось в последние десятилетия все больше привлекать в Россию капитал иностранный; это наблюдается особенно сильно на юге в угольной железной и нефтяной промышленности. Но следствием этой тепличной выгонки современной крупной индустрии не было увеличение независимости от заграницы, а, наоборот, эта зависимость возросла.

Конечно, кредит является могучим рычагом для развития крупной капиталистической промышленности.

Если феодальный дворянин, беря деньги в долг у ростовщика и выплачивая за них проценты, сокращает этим свой доход и в конце концов из-за этого разоряется, то капиталист-промышленник, занимая деньги под проценты, благодаря этому получает только более высокую прибыль, так как он употребляет их не на непроизводительное потребление, как это делает дворянин, а производительно, так что кроме процента на капитал они приносят ему еще прибыль. Если он занимает деньги по 4% и вкладывает их в дело так, что они приносят ему 10%, он берет 6% барыша. В такой форме, в форме денежного капитала, заграничный капитал может, конечно, в экономически отсталых странах явиться средством, ускоряющим рост капиталистического класса.

Но чтобы получить денежный капитал, нужен кредит, нужно иметь уже хорошо налаженное предприятие, а этого в России не было. Правда, заграничный капитал миллиардами притекал в Россию для поддержки ее промышленности, но лишь в незначительной своей части этот капитал ссужался р у с с к и м предпринимателям на устройство и расширение крупно-промышленных предприятий. Эти предприятия в большинстве случаев основывались непосредственно самими иностранными капиталистами и оставались в их собственности, так что им оставался весь доход, а не только процент на капитал, в России же оставалась одна лишь заработная плата. Этот способ привлечения иностранного капитала способствовал сильному росту пролетариата, но не созданию

сильного класса капиталистов внутри России. Это не препятствовало, а наоборот, еще более благоприятствовало обеднению России.

Но эта тенденция яснее и решительнее всего проявляется в земледелии, в той крупной отрасли промышленности, которая позже и слабее всех начинает принимать участие в повышающих производительный труд успехах капиталистического способа производства и вместе с тем более, чем всякая иная, нуждается в интеллигентном населении для того, чтобы быть в состоянии овладеть современными средствами и методами производства. В России капитализм нес крестьянам не улучшенные школы, не деньги для приобретения искусственного удобрения, усовершенствованных орудий и машин, а лишь усиленную эксплуатацию. Если в Европе рост эксплуатации крестьян государством и капиталом шел рука об руку с увеличивающейся производительностью сельско-хозяйственного труда, то в России, наоборот, рост эксплуатации крестьян, вытекающий из увеличивающейся конкуренции России с капиталистически развитыми нациями, вел за собой постоянное понижение производительности сельского хозяйства. Росли неурожаи, а при каждой голодовке, прежде чем сами люди начинают гибнуть от голода, понятное дело, приносится в жертву скот. Таким образом, каждый неурожай вызывает уменьшение количества скота, следствием чего является в свою очередь уменьшение количества удобрения, ухудшение обработки полей, т.-е. дальнейшее ухудшение сельского хозяйства, новые, более сильные неурожаи. А вместе с крестьянином начинает бедствовать и вся нация, так как с ним заодно гибнет и внутренний рынок русской промышленности, единственный, которым она располагает, ибо на мировом рынке она не в состоянии выдержать конкуренции; с ним вместе и государство идет навстречу банкротству, несмотря на те огромные природные богатства, которые сводят съ ума западно-европейских биржевиков, готовых положить к ногам кровавого царя новые миллиарды. Да если б хоть миллиарды пошли на разработку этих богатств, а не на подавление и избивание тех, кто один только может своим трудом превратить эти богатства в стоимости, могущие быть обмененными на деньги на мировом рынке!

Упадок сельского хозяйства, на ряду с ростом сил промышленного пролетариата, является главной причиной современной русской революции. Этот упадок привел государство на край финансового банкротства и создал для всех классов невыносимые, мучительные условия, при которых они не могут далее существовать, из которых они должны стремиться выйти, раз они уже вовлечены в движение.

---

3. РАЗРЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА.

Ближайшее средство помочь крестьянам — это увеличить их земельный надел. В этом сходятся также почти все партии. Но достаточно ли этого? Какая польза крестьянину будет от того, что у него станет больше земли, если у него недостаточно скота и орудий для того, чтобы хорошо обрабатывать даже свой теперешний надел? Временно это может принести ему облегчение, но вскоре он станет бедствовать по-старому. Чтобы помочь ему надолго, необходимы учреждения, которые дали бы ему возможность перейти к интенсивной, рациональной культуре. Нужно предоставить в его распоряжение скот, орудия, удобрение, нужно устроить превосходные школы, одним словом, надо как можно скорее предоставить крестьянину в полной мере то, чего ему не давали и что у него было отнято в течение десятилетий — под влиянием все увеличивающейся задолженности государства, роста его податного бремени и неспособности и нежелания государственной власти выполнять какие бы то ни было культурные задачи.

Лишь режим, который в состоянии дать все вышеуказанное, может поставить крестьянское земельное хозяйство в России, а вместе с тем и все государство, на здоровый экономический базис и таким образом положить конец революции.

В состоянии ли это сделать абсолютизм? Если бы он был в состоянии это сделать, тогда он смог бы еще раз одолеть революцию. Если бы у царя хватило ума и силы, чтобы стать крестьянским царем в том смысле, в каком стал им Наполеон I, тогда он смог бы вновь укрепить свой абсолютный режим, так как крестьянин в большинстве случаев не особенно сильно заинтересован в политической свободе нации. Его интересы в обычное время ограничиваются тем, что касается его деревни. Если бы он увидел, что царь заботится об его экономических потребностях, он вновь пошел бы за ним.

Но, к счастью, это невозможно. Да и Наполеон I был потому только в состоянии предательски задушить свободу Франции с помощью крестьян и набранного из их среды войска, что сам являлся наследником революции — потому, что революция уже удовлетворила крестьян и он явился лишь в качестве простого защитника тех приобретений, которые крестьяне сделали во время революции и при помощи ее.

Даже самый энергичный и дальновидный монарх не в силах победить политическую революцию, беря на себя выполнение ее экономической цели. Для этого ему надо было бы превосходить не одной только дальновидностью, но и силой весь тот господствующий класс, в среде которого он живет и за счет которого

только и может быть достигнута экономическая цель революции. Если бы отдельный индивидуум мог даже ясно и определенно чувствовать и думать прямо обратно тому, как чувствует и думает вся окружающая его среда, в которой он вращается с пеленок, то нет такого индивидуума, какой бы высокий сан он ни занимал, который один мог бы противостоять всем окружающим. Меньше всего в силах сделать это русский царь, но ему не позволили бы верные слуги абсолютизма, если бы только он проявил хоть малейшую склонность войти в соглашение с революцией.

Но от Николая II нечего ожидать попытки когда-нибудь хоть в каком-нибудь вопросе стать в решительное противоречие с его окружающими.

И его правительство энергично отвергает все, что хоть сколько-нибудь могло бы облегчить крестьянам их бедственное положение. Крестьяне ничего не видят от него, кроме пустых обещаний, шарлатанства и жалкого штопанья прорех. Но прошли те времена, когда крестьяне могли пойти на такую удочку. Революция уже достигла в деревне того, что крестьяне хотят видеть дело и судят о различных партиях по их делам. А какие дела они видели от правительства, которое они отожествляют с царем? Налоги повышаются, а те местности, в которых неурожаи вызвали голод, не получают поддержки. Школы и больницы закрываются за недостатком средств, железные дороги приходят в упадок, так как материал их не обновляется, народные же все деньги больше чем когда-нибудь нужны на солдат, при помощи которых он ведет войну с собственным народом. Со времени нашествия Наполеона русский крестьянин не видал в стране иноземных солдат, и он думал, что власть царя защищает его от внешнего врага. А теперь сами царские солдаты хозяйничают в стране, как хозяйничали когда-то татары. И при этом все обещания, которые давались крестьянам и исполнения которых они порою ждали с радостной надеждой на окончательное избавление, оказывались жалким обманом. Обнаружение этого обмана заставляло крестьянина вдвойне чувствовать тяжесть своего положения, и озлобление его становилось вдвое сильнее. Дума, которую преподносили ему как избавительницу в нужде, была распущена, и избирательное право во вторую Думу, которая теперь должна быть созвана, было у него тихомолком отобрано. Немудрено, что в виду всего этого его прежнее безграничное почитание царя превратилось в столь же безграничную ненависть к нему.

Но могут ли и либералы надолго привлечь на свою сторону крестьянина?

Конечно, они дают ему то, к чему он стремится прежде всего — прибавку земли. По крайней мере многие из них требуют экспроприации крупного землевладения и распределения

земли между крестьянами. Но какою ценою? Собственность должна щадиться елико возможно, т.-е. крупные землевладельцы должны быть вознаграждены полностью. Но кто же вознаградит их? Кто как не крестьянин, прямо ли, в форме уплаты процентов на покупную цену уступленной ему земли, или косвенно, если землевладельцев вознаградит государство. Тогда уплата процентов за покупную цену ляжет, на ряду с пролетарием, на крестьянина косвенно, в форме новых налогов. Что же выигрывают крестьяне от увеличения их земельного надела? Ровно ничего, так как увеличившийся чистый доход будет опять-таки попадать в форме процентов или налогов в руки прежних владельцев земли. Часто не произойдет даже никакого внешнего изменения, так как многие крестьяне уже обрабатывают часть крупных имений, которые они снимают в качестве арендаторов для пополнения своих наделов. Если они станут владельцами арендуемой земли и вместо арендной платы должны будут платить новые налоги, чем это будет лучше?

Лишь при конфискации крупного землевладения возможно значительно увеличить земельный надел крестьянина, не взваливая на него нового бремени. Конечно, безвозмездная экспроприация отдельного слоя имущих классов будет мерою суровой. Но выбора нет. Обеднение крестьянства зашло слишком далеко, чтобы было возможно возложить на него уплату выкупной суммы. Если бы у крупных либеральных землевладельцев в свое время хватило энергии и самоотверження, чтобы создать такие политические формы и такую государственную политику, которые сделали бы возможным полюбовный расчет с крестьянством в то время, когда оно было еще платежеспособно, то они могли бы еще спасти в какой-либо форме свою земельную ренту. Теперь это уже поздно. Впрочем, им не приходится очень уж жаловаться. Их предки отлично сумели при отмене крепостного права ограбить крестьян, и с тех пор они пользовались их нуждой для самого ужасного закабаления мужика. Они никогда не проявляли по отношению к крестьянству никакой пощады, никакого внимания к его интересам.

Итак, без конфискации крупного землевладения помочь крестьянину нельзя. А этому либералы противятся самым решительным образом. Перед конфискацией не отступают только социалистические партии.

Но русский аграрный вопрос далеко еще не разрешается увеличением земельного надела крестьянина. Мы видели уже, что крестьянину не хватает не только земли, но и знаний и денег. Упадку русского сельского хозяйства нисколько не воспрепятствует то, что земля будет перераспределена несколько по-иному. Наоборот. Если крупные имения, в которых все-таки хозяйство ведется часто более рационально, будут раздроблены на части

и их место займут невежественные крестьяне без всяких средств, то падение русского сельского хозяйства от этого только усилится, раз не будут одновременно приняты энергичные меры для увеличения крестьянской интеллигентности и крестьянского оборотного капитала.

Но это невозможно без коренного переворота во всей существовавшей до сей поры политической системе, которая вот уже два столетия порождает все более и более теперешнюю нищету. И чем глубже корни этой нищеты, которую абсолютизм в настоящее время явно продолжает увеличивать, тем более энергичные изменения в существующих учреждениях и имущественных отношениях необходимы для того, чтобы положить хоть какой-нибудь предел этому бедственному состоянию.

Без отмены постоянного войска, без прекращения постройки военного флота, без конфискации всего состояния казенных имуществ и монастырей, без государственного банкротства, без конфискации крупных монополий, поскольку они находятся еще в руках частных лиц — железных дорог, нефтяных источников, горных рудников, железоделательных заводов и пр. — неоткуда взять те громадные суммы, которые необходимы для русского сельского хозяйства, чтобы вырвать его из его ужасного состояния.

Ясно, что либералы пугаются столь гигантских задач, столь решительных изменений в существующих имущественных отношениях. По существу они хотят продолжать вести теперешнюю политику, оставляя неприкосновенными основы эксплуатации России иноземным капиталом. Они твердо стоят за постоянное войско, которое в их глазах одно только в состоянии обеспечить порядок и сохранить им собственность, и хотят добыть для России средства путем новых займов, что невозможно без аккуратной уплаты процентов по старым долгам.

Милитаризм и уплата процентов по государственным долгам обходятся в настоящее время России в *два миллиарда* марок. И эту чудовищную сумму либералы хотят продолжать из году в год выжимать из русского народа!

Они воображают, что будут в состоянии выполнить те великие культурные задачи, которыми пренебрегал и *вынужден* был пренебрегать царизм, чтобы иметь возможность оплачивать милитаризм и государственные долги. Они воображают, что учреждения Думы достаточно для того, чтобы чудом раздобыть из-под земли миллиарды.

Часто ссылаются они на великую французскую революцию, и часто ссылаются неосновательно. Условия современной России во многом совершенно иные, чем они были во Франции в 1789 году. Но различие заключается не в том, будто русские условия требуют менее решительных мер, чем французские. Наоборот, Франция не была в долгу у заграницы, она не страдала так от

недостатка в капитале, ее народное образование, сельское хозяйство и промышленность по отношению к остальной Европе не были такими отсталыми, как это наблюдается теперь в России. И все-таки национальное собрание не в состоянии было спасти Францию от государственного банкротства и конфискации. Если Франция могла сохранить у себя милитаризм, то она в состоянии была сделать это только благодаря своим победоносным революционным войнам, которые дали ей возможность ограбить пол-Европы и таким путем покрыть военные издержки. Русская революция не может надеяться на то, чтобы таким же способом покрыть свои денежные потребности. Она должна распустить постоянное войско, если хочет, чтобы ей удалось удовлетворить русских крестьян.

Либерализм столь же мало способен на это, как и царизм. Если он еще раз даже и всплывет временно на поверхность, он скоро изживет себя. Это случится особенно быстро, ибо у него нет энергичных демократических элементов. Единственный, имеющий значение, класс, на который он может опереться — крупное землевладение, — представляет собою такой класс, либерализм которого неизбежно тем более бледнеет, чем более выдвигается на первый план аграрный вопрос.

---

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ.

Русский либерализм совершенно иного рода, чем либерализм Западной Европы, и уже в силу одного этого чрезвычайно ошибочно брать великую французскую революцию прямо за образец теперешней русской.

Руководящим классом в революционных движениях Западной Европы была мелкая буржуазия, особенно мелкая буржуазия больших городов. Благодаря своему не раз уже отмечавшемуся двойственному положению в борьбе, мелкая буржуазия, являясь в одно и то же время представительницей и собственности и труда, была связующим звеном между пролетариатом и классом капиталистов, соединяла их обоих для общей борьбы в единую буржуазную демократию, которая черпала в этом единстве свою победоносную силу. Мелкий буржуа чувствовал себя будущим капиталистом, и постольку он боролся за интересы пробивающего себе дорогу капитала. В то же время положение мелкого буржуа было идеалом и для пролетария, который большей частью происходил из мелкобуржуазного круга, не имел еще самостоятельного классового сознания и ничего более не желал, как свободы и возможности самому стать мелким буржуа.

При этом мелкая буржуазия городов представляла собою самый многочисленный, самый интеллигентный и экономически наиболее важный из всех, составляющих народную массу, классов. Сами же города были, начиная со средних веков, средоточием господствующей силы. Город господствовал над деревней и эксплуатировал ее, и в этом господстве и эксплуатации принимали немалое участие мелкие буржуа, которым удалось подавить сельское ремесло и одновременно с этим превратиться в силу, способную защищать себя от дворян и князей.

Обо всем этом в России не было и речи. Слабые и малочисленные, большею частью возникшие очень поздно, города никогда не могли завоевать себе там той сильной позиции, какую они завоевали себе в Западной Европе, и жители их не сумели, как на Западе, выделиться из сельского населения и подняться над его уровнем.

Масса городских ремесленников состояла из крестьян, и многочисленные ремесла составляли больше сельское, чем городское занятие. Крепостная зависимость и порабощение, а также политическая беспомощность и политический индифферентизм и здесь и там были одинаковы.

Лишь после уничтожения крепостного права, в городской массе населения стал зарождаться политический интерес, но это произошло лишь в последние десятилетия девятнадцатого столетия, в то время, когда в самой Западной Европе роль мелкой буржуазии, как революционного вождя, окончательно уже была сыграна. С одной стороны, пролетариат стал самостоятельным, стал силой, — с другой, между мелкой буржуазией и капиталом выросла страшная пропасть. Мелкая буржуазия не смотрит более на капиталистов, как на класс, в ряды которого она сама надеется подняться, а как на класс, который давит и разоряет ее; в наемных же рабочих она видит элементы, которые своими требованиями ускоряют этот процесс. Она является теперь вождем не демократии, которая ведет на общую политическую борьбу и капиталистов, и рабочих, а обманувшихся в демократии, потерявших всякую устойчивость недовольных,— одинаково негодующих как на рабочих, так и на капиталистов, и потому идущих на удочку всякого реакционного шарлатана, раз он сулит им золотые горы.

Таким образом, мелкая буржуазия Западной Европы, несмотря на свои революционные традиции, становится все реакционнее и ненадежнее. В России мелкая буржуазия вступает в политическое движение без таких традиций, но на ней сказывается вместе с тем в полной мере влияние той же самой экономической ситуации, которая дает себя чувствовать также и восточной Европе. Поэтому она еще более склонна, чем ее европейские сотоварищи по классовому положению, к антисемитизму и к реакции, к бесхарактерной неустойчивости, готова за подачку пойти

на все, готова играть ту роль, которую в западно-европейских революциях играл лумпен-пролетариат, с которым она все более становится близка по духу и с которым она и в России охотно действует заодно.

Она может в конце концов в течение революции быть вовлечена в оппозиционное движение, но надежной опорой революционных партий она не будет никогда.

Итак, в России нет прочного остова буржуазной демократии, нет там такого класса, который, благодаря общности своих экономических интересов с буржуазией и пролетариатом, мог бы слить их в одну демократическую партию для совместной борьбы за политическую свободу.

Класс капиталистов и пролетариат с самого начала революционной борьбы резко противостояли друг другу. Оба научились у Европы. Пролетариат сразу выступил на политическую арену не как часть просто демократической партии, а как социал-демократия, класс же капиталистов впадает в испуг при каждом самомалейшем самостоятельном движении пролетариата; главная его забота — сильное правительство.

Ядро либеральной партии в России составляют крупные помещики — мы не говорим здесь о владельцах латифундий — именно тот класс, против которого прежде всего и был направлен западно-европейский либерализм. Но в России новейший абсолютизм, в противоположность западно-европейскому, принес сельское хозяйство в жертву капиталу. Тот же самый процесс, который совершался в Западной Европе в конце средних веков при зарождении абсолютизма, именно: эксплуатация городом деревни, в России все более практикуется в XIX столетии абсолютным правительством и явно толкает землевладельческое дворянство в ряды оппозиции. Это оппозиционное положение облегчается для него еще тем, что ему приходится меньше, чем промышленному капиталу в городах, непосредственно сталкиваться с другим оппозиционным классом, с пролетариатом. Пока крестьянство оставалось спокойно, русский землевладелец мог позволять себе роскошь либерализма, точно так же как английские тории и некоторые немецкие юнкера-помещики в начале развития индустриализма корчили из себя друзей рабочих.

Крестьянство же долго оставалось спокойным. Сельское хозяйство явно рушилось, крестьянин впадал в нищету, голодные годы опустошали его ряды, его хозяйство разорялось — он оставался покорным царю и богу. Иногда крестьяне бунтовали, но бунты были направлены против того или иного частного зла, а не против всей господствующей системы, в которой они не видели еще источника этого зла.

Со второй половины XIX столетия, благодаря преобразованию экономических отношений, стало постепенно подготовляться

изменение в образе мыслей и в чувствах крестьянина. Деревня была втянута в мировое обращение, так как ее продукты шли на мировой рынок. Она все более и более переставала жить обособленной жизнью. Всеобщая воинская повинность гнала сыновей крестьянина в большие города, где они набирались новых впечатлений, где у них появлялись новые потребности. Наконец, многие из ставших безземельными крестьян и их детей шли на фабрику, шли в шахтеры и таким образом вовлекались в пролетарскую классовую борьбу, впечатлениями которой они делились с оставшимися на родине односельчанами.

Таким образом мало-по-малу подрывалась основа, на которой покоился русский абсолютизм. Необходим был лишь могучий удар, чтобы эта основа рушилась. Таким ударом явилась маньжурская война и связанное с ней возмущение городского пролетариата. Эти события, которые тридцать лет тому назад прошли бы бесследно для русского крестьянина, теперь нашли в нем живой отклик. Он проснулся и сознал, что настало, наконец, время положить конец его бедственному положению. Это бедственное положение теперь уже не пригнетает крестьянина, а возбуждает его. Внезапно он увидел себя лицом к лицу с совершенно новыми отношениями. В правительстве, руководству которого он до сих пор доверчиво себя вверял, он увидел врага, которого необходимо побороть. Теперь он уже не может предоставлять другим думать за себя, он должен сам думать, должен напрячь всю силу ума, всю свою энергию, всю свою решимость, отбросить все предрассудки, если хочет устоять в этом гигантском смерче, в который он попал.

То, что, начиная с XVII и до XIX столетия, дала англо-саксонскому крестьянину и мелкому буржуа эмиграция, то в гораздо большей степени и гораздо быстрее даст в начале XX века русскому крестьянину революция: она превращает его из добродушного, сонного, чуждого мысли человека рутины в энергичного, неустанно и неумолимо стремящегося к новому и лучшему борца.

Это достойное удивления превращение создает прочную основу для нового русского сельского хозяйства, которое вырастет на развалинах старого. Это превращение служит также вернейшим залогом конечного торжества революции.

Между тем, чем революционнее становится крестьянин, тем реакционнее становится крупный землевладелец, тем более перестает он быть, как был раньше, столпом либерализма, тем неустойчивее становятся либеральные партии, тем более подаются вправо либеральные профессора и адвокаты в городах, чтобы не потерять окончательно связи с своей прежней опорой.

Этот процесс может временно повести к усилению реакции, но не может надолго подавить революцию. Он ускоряет лишь

банкротство либерализма. Он должен все более толкать крестьянина в объятия тех партий, которые энергично и решительно защищают его интересы и не дают себя смущать либеральными сомнениями: партий социалистических. Чем дольше продолжается революция, тем более должен этот процесс увеличивать в деревне влияние социалистических партий. В конце концов он может повести к тому, что социал-демократия станет представительницей массы населения и, благодаря этому, станет победительницей.

5. ПРОЛЕТАРИАТ И ЕГО СОЮЗНИК В РЕВОЛЮЦИИ.

Может-быть, будет уместно в заключение этого очерка высказаться по поводу анкеты, предпринятой моим другом Плехановым. Он обратился к ряду нерусских товарищей социал-демократов, прося их высказаться о характере русской революции и о тактике, которой должны держаться русские социалисты. Я хочу, собственно говоря, сделать лишь несколько замечаний по поводу этих вопросов, а не дать на них точные ответы. Если я считаю, что мои старые, продолжающиеся почти три десятка лет, близкие отношения к выдающимся деятелям русского революционного движения дают мне возможность дать немецким товарищам нечто поучительное относительно этого движения, то по отношению к русским товарищам, когда дело идет о России, я чувствую себя в положении учащегося. Но, понятно, что для нас, западно-европейских социалистов, настоятельно необходимо притти к определенной точке зрения на русскую революцию, так как это событие имеет не местное, а интернациональное значение, и наше понимание его должно оказать самое глубокое влияние на наше представление о ближайших тактических задачах нашей собственной партии. У меня нет также никаких оснований прятать свое мнение в карман, когда меня спрашивают о нем русские товарищи.

Опросный лист включает следующие три вопроса:

1. Каким представляется общий характер русской революции? Присутствуем ли мы при буржуазной революции или при революции социалистической?

2. В виду отчаянных усилий, делаемых русским правительством для изолирования революционного движения, каково должно быть поведение с.-д. партии по отношению к буржуазной демократии, которая, по своему, борется за политическую свободу?

3. Какова должна быть тактика партии при выборах в Думу, чтобы использовать, в смысле борьбы против нашего «старого порядка», силы буржуазных оппозиционных партий, всецело оставаясь на почве Амстердамской резолюции?

На первый вопрос, мне кажется, нельзя ответить просто в том или ином смысле.

Время буржуазных революций, т.-е. революций, движущей силой которых являлась буржуазия, миновало, миновало также и для России. И в ней пролетариат не является более простым придатком и орудием буржуазии, как это было во время буржуазных революций, а самостоятельным классом с самостоятельными революционными целями. Но там, где пролетариат выступает таким образом, буржуазия перестает быть революционным классом. Русская буржуазия, поскольку она вообще либеральна и ведет самостоятельную классовую политику, ненавидит несомненно абсолютизм, но она ненавидит еще более революцию, и ненавидит она абсолютизм главным образом потому, что в нем видит коренную причину революции; и поскольку она хочет политической свободы, то хочет она ее главным образом потому, что в ней видит единственное средство положить конец революции.

Таким образом буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России, и постольку это движение не может быть названо буржуазным.

Но нельзя на этом основании сказать без дальнейших околичностей, что движение это социалистическое. Оно никоим образом не может привести пролетариат к единоличному господству, к диктатуре. Для этого русский пролетариат слишком слаб и не развит. Конечно, весьма возможно, что в ходе революции победа выпадет на долю социал-демократической партии, и социал-демократии следует поэтому внушать своим приверженцам уверенность в победе: нельзя успешно бороться, отказываясь наперед от победы. Но для социал-демократии будет невозможно добиться победы одними только силами пролетариата без помощи какого-либо иного класса.

Поэтому, одержав победу, она в состоянии будет осуществить свою программу лишь настолько, насколько это позволят интересы поддерживающего пролетариат класса.

На какой же класс может опереться русский пролетариат в своей революционной борьбе? Если иметь в виду лишь политическую поверхность совершающегося, то можно притти к заключению, что все те классы и партии, которые стремятся к политической свободе, должны просто-на-просто действовать совместно, чтобы добиться ее, и лишь тогда, когда будет завоевана политическая свобода, они должны заняться своими разногласиями.

Но всякая политическая борьба в основе своей есть борьба классовая и, следовательно, борьба экономическая. Политические интересы являются лишь результатом интересов экономических; на защиту этих последних поднимаются народные массы, а не для того, чтобы воплощать в жизнь отвлеченные политические

идеи. Тот, кто хочет увлечь массы политической борьбой, должен показать им, как тесно связана она с их экономическими интересами. Эти интересы ни на минуту не должны быть отодвигаемы на задний план: иначе остановилась бы и борьба за политическую свободу.

Союз пролетариата с другими классами в революционной борьбе должен главным образом основываться на общности экономических интересов; тогда только он будет прочен и приведет к победе. На такого рода общности интересов должна быть построена также и тактика русской социал-демократии.

Но прочная общность интересов во весь период революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством. Она то и должна лечь в основу всей революционной тактики русской социал-демократии. Совместное действие с либералами допустимо лишь в такой форме и в тех местах, где это не помешает совместному действию с крестьянством.

В общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии и возможность ее победы, но эта же общность определяет и пределы возможного использования этой победы.

Без крестьян мы не можем теперь одержать в России победы. Нельзя однако ожидать, чтобы крестьяне стали социалистами. Социализм может быть построен лишь на основе крупного производства, он слишком противоречит условиям мелкого производства для того, чтобы он мог возникнуть и укрепиться в населении, состоящем преимущественно из крестьян.

Раз социализм овладеет областью крупной промышленности и крупного сельского производства, ему удастся, может-быть, силою своего примера убедить мелких крестьян и вызвать с их стороны подражание, но он не может исходить из их среды. А в России, более чем где-либо, отсутствуют интеллектуальные и материальные условия для этого. Коммунизм русской деревни пришел в совершенный упадок, да он никоим образом и не означает общности производства.

Невозможно также на основе сельской общины превратить современное товарное производство в более высокий способ производства. Для этого необходимы по меньшей мере рамки крупного государства, а к производству на такой национальной основе русские сельские производители никоим образом не способны.

Теперешняя революция может повести в деревне лишь к созданию крепкого крестьянства на основе частной собственности на землю и этим вырыть между пролетариатом и имущей частью сельского населения такую же пропасть, какая существует уже в Западной Европе.

Поэтому нельзя себе представить, чтобы теперешняя русская революция повела уже к введению социалистического способа

производства, даже если б она временно и предоставила социал-демократам кормило правления.

Конечно, может произойти много неожиданного. Мы не знаем, как долго еще продолжится русская революция, а, судя по формам, которые она теперь приняла, она не так-то скоро окончится. Мы не знаем также, какое влияние она окажет на Западную Европу и как она оплодотворит тамошнее пролетарское движение. Наконец, мы совершенно уже не можем знать, как в свою очередь отзовутся, явившиеся следствием ее влияния, успехи западноевропейского пролетариата на пролетариате русском. Нам необходимо усвоить себе мысль, что мы идем навстречу совершенно новым ситуациям и проблемам, к которым не подходит ни один из старых шаблонов.

Мы поступим правильнее всего в отношении русской революции и задач, которые она нам предъявляет, если будем смотреть на нее не как на революцию буржуазную в обычном смысле этого слова, а также не как на социалистическую, а как на совершенно своеобразный процесс, совершающийся на границе буржуазного и социалистического общества, способствующий ликвидации первого, подготовляющий условия для образования второго и во всяком случае дающий могучий толчок всему прогрессивному развитию стран капиталистической цивилизации.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Предисловие к русскому переводу	3
1. Аграрный вопрос и либералы	9
2. Недостаток капитала в России	12
3. Разрешение аграрного вопроса	18
4. Либерализм и социал-демократия	22
5. Пролетариат и его союзник в революции	26

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ).

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. I. — Первые шаги рабочего с.-д. движения. 1893 — 1900 гг. Стр. 678. Ц. в папке 2 р. 80 к.

Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. — Что такое „Друзья народа". — Проект программы социал-демократической партии. — Задача русских социал-демократов. — Проект программы нашей партии. — И др.

Т. II. — Экономические этюды и статьи. 1894—1899. Стр. 552. Ц. в папке 2 р.

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — К характеристике экономического романтизма. — Перлы народнического прожектерства. — От какого наследства мы отказываемся. — И др.

Т. III. — Развитие капитализма в России. Стр. 548. Ц. в папке 1 р. 80 к.

Т. IV. — „Искра" 1900—1903 гг. М.—Л. 1925. Стр. 344. Ц. в папке 1 р. 60 к.

Насущные задачи нашего движения. — Задачи революционной молодежи. — К вопросу о программе РСДРП.

Т. V. — Борьба за партию. 1901 — 1904 гг. Стр. 594. Ц. в папке 3 р. 50 к.

Что делать?—Шаг вперед, два назад.— Чего мы добиваемся.— Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией. — И др.

Т. VI. — 1905 г. Стр. 631. Ц. в папке 2 р. 50 к.

Пролетариат и крестьянство. — О нашей аграрной программе.— Социал-демократия и временное революционное правительство. — Третий шаг назад. — Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Игра в парламентаризм. — И др.

Т. VII. — Революция 1905—1906 гг. Часть 1-я. Стр. 344. Ц. в папке 1 р. 40 к.

Пролетариат и крестьянство.—Русская революция и задача пролетариата. — Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Доклад об объединенном съезде РСДРП. — И др.

Т. VII. — Революция 1905—1906 гг. Часть 2-я. Стр. 300. Ц. в папке 1 р. 25 к.

Политический кризис и провал оппортунистической тактики. — Уроки московского восстания. — И др.

Т. VIII. — 1907 г. Стр. 663. Ц. в папке 2 р. 50 к.

Тактическая платформа меньшевиков. — Отношение к буржуазным партиям. — Против бойкота. — И др.

Т. IX. — Аграрный вопрос. 1899—1913 гг. Стр. 741. Ц. в папке 3 р.

Капитализм в сельском хозяйстве. — Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. — К деревенской бедноте. — Аграрная программа социал-демократов в русской революции 1905—1907 гг.—Аграрный вопрос в России к концу XIX в.

Т. X. — Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 326. Ц. в папке 1 р. 30 к.

Приложение. В. Невский. Диалектический материализм и философия мертвой реакции.

Т. XI. — Годы контр-революции. 1908—1911. Часть 1-я. Стр. 376. Ц. в папке 1 р. 70 к.

К оценке русской революции. — Лев Толстой, как зеркало русской революции.—Цель борьбы пролетариата в нашей революции.— Карикатура на большевизм.— И др.

Т. XI. — Годы контр-революции. 1908—1911. Часть 2-я. Стр. 655. Ц. в папке 2 р. 50 к.

Заметка публициста (объединительный кризис в нашей партии).— О положении дел в партии.—О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. — Ко всем социал-демократическим партийным организациям. — И др.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ).

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XII. — Новый подъем. Часть 1-я. Стр. 338. Ц. в папке 1 р. 40 к.
Сущность аграрного вопроса в России. — Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов. — К современному положению дел в РСДРП.—И др.

Т. XII. — Новый подъем. Часть 2-я. Стр. 631. Ц. в папке 2 р. 50 к.
Три источника и три составных части марксизма. — Спорные вопросы.— Крестьянство и рабочий класс.— Карл Маркс.— О праве наций на самоопределение.—И др.

Т. XIII. — Мировая война 1914—1916 гг. Стр. 537. Ц. в папке 2 р. 25 к.
Социализм и война.—Крах II Интернационала.—Империализм как новейший этап капитализма.—О каррикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме".—Итоги дискуссии о самоопределении.— И др.

Т. XIV. — Буржуазная революция 1917 г. Часть 1-я. Стр. 324. Ц. в папке 1 р. 30 к.
Задачи пролетариата в нашей революции.—Письма о тактике.— О войне.—И др.

Т. XIV. — Буржуазная революция 1917 г. Часть 2-я. Стр. 536. Ц. в папке 2 р.
Уроки революции.—Задачи революции.—Марксизм и восстание.— К пересмотру партийной программы.— Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Государство и революция.—И др.

Т. XV. — Пролетариат у власти. 1918. Стр. 646. Ц. в папке 2 р. 50 к.
Доклад по вопросу о Брестском мире. — Доклад об изменении партийной программы. — Очередные задачи Советской власти. — О международной революции. — Пролетарская революция и ренегат Каутский.— И др.

Т. XVI. — Пролетариат у власти. 1919 г. Стр. 544. Ц. в папке 2 р.
Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.—О работе в деревне.—Об обмане народа лозунгом свободы и равенства.— Великий героизм.— О задачах III Интернационала.— Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.— Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата.—И др.

Т. XVII. — Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 417. Ц. в папке 2 р.
Детская болезнь „левизны" в коммунизме.— Тезисы об основных задачах II Конгресса Коминтерна. — Задачи союзов молодежи. — К истории вопроса о диктатуре. — И др.

Т. XVIII. — Пролетариат у власти. Часть 1-я. Стр. 452. Ц. в папке 2 р.
О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого.— Кризис партии. — Еще раз о профсоюзах. — О продовольственном налоге. — И др.

Т. XVIII. — Пролетариат у власти. Часть 2-я. Стр. 216. Ц. в папке 1 р. 25 к.
Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции. — Лучше меньше, да лучше. — О кооперации. — И др.

Т. XIX. — Национальный вопрос (1910—1920 гг.). Стр. 282. Ц. в папке 1 р. 20 к.
Критические заметки по нац. вопросу. — О праве наций на самоопределение. — О программе мира. — Социалистическая революция и право наций на самоопределение. — Итоги дискуссии о самоопределении.

Т. XX. — Части 1-я и 2-я. Печ.
Собрание сочинений. Изд. 2-е, исправленное и дополн. Под ред. Л. Б. Каменева. В 25 томах. (Вышел первый том.) Ц. по подписке 40 р. Изд. 3-е, удешевленное. Под ред. Л. Б. Каменева. В 25 томах. (Вышел первый том.) Ц. по подписке 20 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Серия „ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Сочинения В. И. ЛЕНИНА

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ НА ПАРТИЙНОМ СЪЕЗДЕ. Доклад В. И. Ленина на XI Съезде Р. К. П. (б.) Стр. 92. Ц. 24 к.

ЛЕНИН, В. И. — Армия и революция. Стр. 187. Ц. 35 к.

ЛЕНИН, В. И. — Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата (1919 г.). Стр. 35. Ц. 10 к.

ЛЕНИН, В. И. — 9-е Января. Стр. 31. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — Задачи пролетариата в нашей революции (1917 г.). Проект платформы пролетарской партии. Стр. 55. Ц. 15 к.

ЛЕНИН, В. И. — Задачи союзов молодежи. 3-е изд. Стр. 28. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — Карл Маркс. Его жизнь и учение. (Биографический очерк.) 3-е изд. Стр. 46. Ц. 12 к.

ЛЕНИН, В. И. — К деревенской бедноте. Предисловие В. Милютина. Стр. 86. Ц. 20 к.

ЛЕНИН, В. И. — Лучше меньше, да лучше. Стр. 30. Ц. 5 к.

ЛЕНИН, В. И. — О войне и задачах пролетариата. Стр. 67. Ц. 24 к.

ЛЕНИН, В. И. — О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». 3-е изд. Со вступит. статьей Г. Зиновьева «Ленин и национальный вопрос». Стр. 103. Ц. 30 к.

ЛЕНИН, В. И. — О кооперации. Стр. 32. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — О «левом» ребячестве и о мелко-буржуазности. Стр. 40. Ц. 10 к.

ЛЕНИН, В. И. — О Льве Толстом. Стр. 22. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — О международной революции. Стр. 61. Ц. 15 к.

ЛЕНИН, В. И. — О мелко-буржуазных партиях. (Речь на собрании партийных работников 27 ноября 1918 г.) Стр. 23. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — О национальном вопросе. Издание 2-е. Стр. 63. Ц. 15 к.

ЛЕНИН, В. И. — О Парижской Коммуне. Стр. 100. Ц. 20 к.

ЛЕНИН, В. И. — О продовольственном налоге. (Значение новой политики и ее условия.) Издание 2-е. Стр. 63. Ц. 15 к.

25 к.
р

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Серия „ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Сочинения В. И. ЛЕНИНА

ЛЕНИН, В. И. — О работе в деревне. Стр. 54. Ц. 15 к.

ЛЕНИН, В. И. — О революции 1905 года. Стр. 68. Ц. 15 к.

ЛЕНИН, В. И. — О революционной фразе (1918 г.) Стр. 16. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — О революционном подъеме 1912—1914 г.г. Стр. 40. Ц. 12 к.

ЛЕНИН, В. И. — Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Редакция и предисловие Л. Б. Каменева. Стр. 32. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — Письма издалека. Стр. 60. Ц. 12 к.

ЛЕНИН, В. И. — Пролетарская революция и ренегат Каутский. Стр. 166. Ц. 30 к.

ЛЕНИН, В. И. — Речи на II и III Съездах Р.С.-Д.Р.П. (Период раскола.) Стр. 88. Ц. 20 к.

ЛЕНИН, В. И. — Советская власть и положение женщины. Изд. 2-е. Стр. 19. Ц. 8 к.

ЛЕНИН, В. И. — Социализм и религия. Стр. 43. Ц. 12 к.

ЛЕНИН, В. И. — Статьи и речи о профессиональных союзах. Стр. 166. Ц. 40 к.

ЛЕНИН, В. И.—Удержат-ли большевики государственную власть? (1917 г.) Стр. 67. Ц. 18 к.

ЛЕНИН, В. И.—Цель борьбы пролетариата в нашей революции. (1909 г.) Стр. 43. Ц. 12 к.

МЫСЛИ ЛЕНИНА об экономической политике. 3-е изд. Стр. 64. Ц. 15 к.

МЫСЛИ ЛЕНИНА о задачах просвещения. Стр. 67. Ц. 18 к.

МЫСЛИ ЛЕНИНА об «освобождении» крестьян от крепостной зависимости. Стр. 30. Ц. 8 к.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000029946 47